

Эркин Агзам

САД ПИСАТЕЛЯ

Маленькая повесть.

С узбекского. Перевод автора

Шукур-ака тоже любил свой сад...
Этот свой скромный труд я посвящаю мастеру
рассказа — Шукуру Холмирзаеву
Автор

I

Он был средненьким писателем. Это, конечно, мнение таких “знатоков”, как я, хватающих звезды с неба оттого, что перечитали все на свете. Разумеется, он тоже кое-что читал из творений столпов мировой литературы, таких как Марк Твен, Даниэль Дефо, Джанни Родари или Пришвин, и даже слышал о нашумевшем, захватившем детские умы Гарри Поттере, но был абсолютно несведущ в таких знаменитостях, как Джойс, Пруст или Дос Пассос, коими наш круг размахивает как знаменами. То ли потому, что он никогда не занимал высоких постов, то ли из-за чрезвычайно стеснительной, пожалуй, даже смиренной натуры, несмотря на то, что паратройка отрывков из написанного им стояла в школьных учебниках, он был незначительной фигурой в “большой” литературе, а для таких, как мы, и вовсе представлялся ничтожным писакой.

Однако если говорить положа руку на сердце, то среди славной литературной братии, мчавшейся галопом по просторам “соцреализма”, к литературе он стоял ближе всех, потому что был ее самым преданным служителем. Мало сказать, что он просто поклонялся литературе, — он был ее верноподданным слугой, не знающим устали на ниве творчества, никогда не предающим ее, о чем будет еще сказано чуть позже.

Писателем он был из числа не витиевато пишущих, потому что не умел придумывать сложных хитросплетений сюжета. Одним словом, в его творениях не было никакого обмана, но в этом не было и надобности.

Он не мечтал о профессии писателя с детства, как это присуще истинным творцам, не начинал свое творчество со стиха, не украшал своим слогом стенные газеты. У него не было даже приличной биографии, характеризующей творческую натуру, и даже бабушки, рассказывавшей в детстве сказки. Впрочем, какая может быть бабушка у круглого сироты, не знавшего, кто такая мать родная? Походить на своего школьного учителя литературы, которого очень почитал, — вот единственное, о чем он мечтал!

И надо же такому случиться, что именно этот учитель решил его судьбу, после того как однажды, прочитав его сочинение на тему “природы”, сказал: “Из тебя в будущем выйдет писатель!”.

Вот именно, не кто-нибудь, а именно — писатель!

Эти слова прозвучали как приговор судьбы. Иначе мог бы он — сирота из глухого горного кишлака, выросший в побоях, в руках придурковатой старухи, представить, что в один

прекрасный день станет тем, кем он стал на самом деле?

Спустя много лет, когда мерилom всего явились деньги, выяснилось: если бы он не стал писателем, то стал бы хорошим садоводом. Садоводство — дело благородное и прибыльное. Стыдно самому везти выращенное на базар? Что ж, придут — заберут, пусть и дешево. Всегда найдется лихой оптовик, по-деловому организующий сбор! Надо будет только постоять в стороне, сделав вид, что вы заняты чем-то, он же все соберет, уложит в ящики, погрузит в машину и, всучив вам столько, сколько посчитает нужным, быстро все вывезет.

Но совесть не позволяла ему покончить с творчеством и отдаться полностью садоводству. Ведь все же через нее — литературу — он зарабатывал на жизнь, добился, пусть и не самого высокого, но признания, и вот теперь, когда время повернулось вспять, не малодушие ли — ее предать?!

На самом деле его увлечение садоводством было частью его любви к литературе; в этот сад и к садоводству он пришел через нее. Писал он в основном на тему природы. Природа ему представлялась не меньше, чем мир людей, он смотрел на нее как на истинное чудо. Ну, подумайте сами, вы сажаете в землю молодой саженец, который начинает расти, крепнуть, и вот уже перед вами дерево, обросшее ветвями, ствол его становится могуч и крепок, а оно не устает плодоносить сладкими дарами!

Разве не этим жив человек?

Ладно бы только это... Чудо еще состоит в том, что с наступлением весны дерево райски цветет. А осенью его алые листья наполняют сердце щемящей печалью. Зимой же в облике покрытого инеем дерева предстает “снежная королева”.

Не это ли истинное чудо природы?

Другой причиной того, что он не отдавался полностью садоводству, являлось то, что окружающие, в частности, жители этого недостроенного еще массива называли его почтительно “учителем”. Почему “учителем”? Ну, раз учитель, то, стало быть, требуется больше, чем подстригать кусты да прививать деревья.

А, впрочем, следует признать, что в этих кругах “учитель” звучит куда выше, чем “писатель”.

Зови его здесь “писателем”, люди несведущие сразу бы начали задавать вопросы: “Куда написал? О ком написал? Зачем написал?”. “Учитель” же вполне оправдывает его профессию. Ведь писатель своими произведениями тоже наставляет, учит, подсказывает. Так что от учителей и духовенства, представителей которых тоже, кстати, почтительно называют “учителями”, не убудет. (Так что давайте и мы в дальнейшем будем называть его “учителем”.) Учитель он и есть учитель, — поучает ли он в тюрбане, или с непокрытой головой, или на бумаге.

Впервые его так назвал пишущий председатель.

В те времена наш герой подвизался редактором в молодежном издательстве. Как-то раз директор издательства пригласил его в свой кабинет и представил ему симпатичного верзилу, оказавшегося председателем близлежащего к столице овощеводческого колхоза.

Надо же, председатель передового хозяйства, а захвачен душевным томлением — пишет! Жить без этого не может!

Эх, чудак-человек, думал бы ты лучше о своих садах, огородах, о высоких урожаях с перевыполнением плана — и была бы тебе слава, ордена да медали, да звание героя! А на досуге бы о тружениках своих позаботился, погладил бы по голове сирот, побеспокоился бы о вдовах и неимущих! Так нет, руки чешутся. Писать хочешь... Жить без этого, видите ли, неинтересно!

Директор не стал скрывать цели его визита:

— Рукопись уважаемого председателя включена в тематический план издательства!

Редактор, наморщив лоб, так и не вспомнил о существовании в планах издательства названия такой рукописи.

Фу, какая наивность — нет в списках, так будет, раз директор сказал...

Рукопись председателя была в ужасном состоянии. Мало того, что ее перепечатали на “слепой” машинке, в нее еще внес свои правки заочник столичного вуза, местный учитель литературы — ну прямо-таки образцовое сочинение отличника учебы: одни и те же глаголы прошедшего времени. Ни дать ни взять, отличник учился стилистике на книгах галопирующих по просторам “соцреализма” передовых писателей.

И что прикажете с этим делать? Несчастливая рукопись, вошедшая в план издательства, несомненно, должна стать книгой. И в особенности после того, как этого потребовал директор. Да тут еще заведующий редакцией вторит: “Доведите ее до ума! Необходимо сделать из нее нормальную рукопись, и баста!”.

Надо заметить, что автор все же чем-то понравился редактору. Когда директор давал задание, этот могучий верзила, несмотря на то, что он председатель колхоза, да к тому же передового хозяйства, смотрел на него как школьник на учителя, — не отрывая глаз, с теплотой и умилением.

Говоря откровенно, в правке редактора-любителя — учителя литературы — мелькали изредка какие-то еле заметные искорки. Но издательский редактор, зайдя к директору, все же попросил представить для работы “председательский” оригинал.

В те дни председатель был занят уборочной страдой. Поэтому горе-рукопись доставил в город его расторопный шофер Алашавур. Очевидно, наш председатель был более ловок давать клички, чем писать, — как выяснилось позже, его шофера на самом деле звали Аллахшукуром, что обозначало “Божья слава”. “Алашавур” же значило — “разбитной”.

Редактор отпросился у директора на две недели (в данном случае ему и в двух месяцах не отказали бы) и, запершись дома, переписал рукопись заново. Рукопись обрела пристойный вид и вполне могла претендовать на выход в свет.

Спустя пару дней после выхода книги, автор появился в издательстве. Он прошел прямо туда, где сидел редактор, подойдя к нему, дружески отстранил протянутую для приветствия руку и заключил его в свои объятия.

— Спасибо, учитель!

Председатель оказался не из скупцов, отделяющихся пустой благодарностью. В субботу он прислал за ним Алашавура, пригласил в колхоз. Званный ужин состоялся в благодатном уголке “Эдемова сада”, на веранде для торжеств, где собрались уважаемые люди, на глазах у которых гостя торжественно облачили в златошвейный национальный халат. Да и на завтра для него были приготовлены подарки, без которых не отпустили домой.

В кульминационный момент угощения наш бедный редактор, в жизни не выдавший такого почтения собственной персоны, и сам не заметил, как пообещал продолжить дальнейшее творческое сотрудничество.

Вскоре в средствах массовой информации одна за другой замелькали рецензии “о председателе, написавшем чудное произведение, несмотря на занятость проблемами хозяйства”. Многие отзывы порадовали бы и писателя, выпустившего не одну книгу. Между тем и радость редактора была абсолютно искренней, без капли зависти — ведь это был его труд!

Многих авторов этих очень сладких рецензий он потом не раз встречал в “Эдемовом саду”, на пиршествах, даваемых во время многолюдных праздников урожая. Строки из их рецензий, подобно пене откупоренного шампанского, стоявшего на столах, превратившись в восхваления, вздымались пышным потоком. Автор же — председатель колхоза, занятый гостями,

воспринимал эти восхваления довольно спокойно, даже с некоторым невниманием...

Не прошло и года, как в издательство поступила новая рукопись, нацарапанная как попало в амбарной “Книге учета”.

Слава богу, на этот раз ее не коснулась рука учителя литературы — неудивительно, если за прошлые заслуги его выдвинули директором школы.

Однако чтобы придать рукописи пристойный вид, не то чтобы двух недель, но и двух месяцев теперь не хватило бы.

И где только этот увалень, кажущийся тяжелым на подъем, вечно занятый нескончаемыми хозяйственными проблемами, находил время браться за перо?

В ответ на молчаливое недоумение редактора “оруженосец” автора Алашавур вполголоса раскрыл “секрет”. Оказывается, душа уважаемого председателя не успокаивалась, пока он, придя чуть свет в правление — в одной руке носовой платок для утирания пота со лба и подбородка, в другой авторучка, — не испишет двух страниц амбарной бумаги. Алашавур тотчас заваривал ему чай и — да здравствует вдохновение, да здравствуют горячие часы “творчества”!

В свою очередь было бы стыдно не выразить и наше восхищение этому героизму: bravo вашему усердию и интересу, уважаемый председатель!

На самом деле пописывать ради интереса не такое уж трудное дело: достаточно чуточку времени и желания. Трудно писать книгу по-настоящему, а еще труднее, ох, как труднее, — хорошо писать. Но откуда это было знать высокочтимому автору, кое-как изложенные слова которого все равно становились книгою, а сам он автором, увенчанным славой?

Однако председатель есть председатель. Он, естественно, договорился со своим другом, директором издательства, вновь выхлопотал для своего “учителя” двухмесячный отпуск — и увез того во все тот же “Эдемов сад”.

II

Светлая аккуратная комната.

Под окном, как в знаменитом стихотворении, стоит одинокий абрикос. Правда, он уже отцвел, белые лепестки давно опали, и на нем появился подобающий лету более скромный наряд. Вокруг безмолвие.

Тишину нарушает лишь периодическое постукивание клавиш пишущей машинки. Питье и еда готовы в любое время суток. В услужении пожилой сторож, который и повар, и чайханщик.

Сторож хоть и несколько старше нашего редактора, но в обслуживании весьма расторопен. Стоит только кликнуть: “Эй, Ишан!” — и все готово. Иногда он пытается своими огрубевшими усохшими пальцами протереть до блеска даже и пишущую машинку. Немногословен. Знает свое место.

Зато весельчак Алашавур истинный мастак поговорить едва ли не за счет него. Этот обычно появляется ближе к полуночи со множеством вестей, новостей и рассказней. Расположившись во дворе на топчане, они сообща, за милую душу, пропускают по несколько рюмашек и начинают общение.

Иногда Алашавур привозит с собой рослую мужеподобную хохотунью.

“Эй, Ишан!” — бросает он, обращаясь к сторожу, и приставляет палец к губам.

Тот, польщенный кличкой, данной ему редактором, с пониманием заговорщика кивает и семенит в кухню.

После звонкого — с чоканьями — ужина на троих, прихватив под руку свою подружку-хохотунью, Алашавур скрывается в одной из торцовых комнат. По пути он не забывает бросить:

“У нее есть подружка... Не хотите ли попробовать, учитель?”.

У неприязнательного редактора, скучающего в этом уединенном уголке, хоть и начинает что-то шевелиться в душе, но он не выдает своих чувств, лишь прощально, с улыбкой подносит руку к груди:

“Спасибо, спасибо. Пробуйте сами”.

Из торцовой комнаты доносится смех, но вскоре все умолкает, бесследно растворяясь в загадке ночи.

Раза два в неделю вечерами здесь становится многолюдно.

Почитаемые гости, пожаловавшие из столицы, до поздней ночи переполняют праздничным духом этот ярко освещенный уголок сельского досуга. Со всех сторон тогда раздается несдержанный смех и благодушный говор. Затем — в одночасье — все замолкает, воцаряется тишина. Образовывается некое запустение.

Гости разъехались — город-то близок.

Иногда к редактору, чтобы справиться, как идут дела, заглядывает автор — обуреваемый вечными заботами хозяин.

— Ну что? Получается?

— Получается, уважаемый председатель.

— Работа идет?

— Идет, уважаемый председатель.

— Долгих вам лет, учитель! — завершает тогда беседу чуть подвыпивший председатель и прижимает щуплого редактора к своему пахнущему потом мощному торсу.

Редактор же, целыми днями стучащий на машинке, не устающий поносить председателя и жаждущий “переломать тому руки, да истребить все его отродье”, — как всякий раб божий, нуждающийся в ласке, вдруг растворяется в этой широченной, преисполненной великодушия груди, будто обоняя дух отца родного или брата единокровного.

И на следующий день все идет по-старому.

Разбираясь в писанине, накарябанной кое-как в амбарной книге, он лепит фразу, всякий раз задавая себе один и тот же риторический вопрос: “Кажется, именно так и именно это хочет сказать наш уважаемый председатель?”...

Терпения вновь хватает ненадолго, и вскоре от этой головоломки вскипает новая волна гнева, и он вновь пускается его поносить:

“Ох, чтоб руки твои, желающие писать, поотсохли! И это надо же — писателем размечтался стать... Тысячу проклятий породившему тебя отцу!”.

Эх, было бы у него хоть малое из того, что он сейчас имеет, — плюнул бы он тогда раз пятьдесят на это батрачество, да и засел бы свое писать!

Но — где уж там...

Проклятье... Миллион проклятий!

В горькие минуты таких размышлений он все-таки оставлял работу, шел прогуливаться. И там, гуляя по саду, он то и дело останавливался возле деревьев, будто беседовал с ними, раскрывая им душу. Это, пожалуй, была его единственная отрада в уединенном уголке.

Утомленный взаперти человек никогда не устанет бродить по своему саду.

III

Однажды вечером председатель, приехавший, чтобы самолично распорядиться по поводу очередной предстоящей встречи высоких гостей, застал его в час такого тоскливого досуга.

— Чудный сад, не так ли?

— Чудный, чудный, уважаемый председатель!

— Поистине райский уголок. Каждое деревце сам сажал и выхаживал, — с гордостью хозяина произнес председатель. — Однако, похоже, что вы, как и я, равнодушны к садоводству?

— И не спрашивайте, уважаемый председатель. Это же страсть моя...

— М-да, — председатель на мгновение остановил на нем взгляд, помолчал и, больше не произнеся ни слова, задумчиво ушел по своим делам.

А назавтра, после полудня, появился Алашавур.

— Идемте-ка, я вас прокачу, — бойко проговорил он и, посадив редактора в машину, повез его недоумевающего к тому самому дальнему садовому участку колхоза, что примыкал к самой черте города.

— Ну, как, нравится? — спросил он там, покрутившись на своей машине по целому ряду мест. — Воды вдоволь, места здесь красивые, не правда ли? Скоро, вот увидите, эта территория будет нарахват...

Когда же на обратном пути редактор все же осмелился поинтересоваться сутью прогулки, знающий обо всем на свете Алашавур на этот раз не раскрыл секрета продемонстрированной им “кухни”.

— Я человек маленький, учитель... Мне сказали, я выполнил. Хозяин велел показать вам эти места, я и показал. Об остальном спросите у него.

Зато спустя неделю, на этот раз втроем — присоединился председатель, — они вновь приехали туда.

Продолговатый участок земли был уже деловито огорожен металлической сеткой.

— Учитель, — торжественно произнес председатель, пристально оглядев огороженную землю глазами земледельца, — закройте-ка глаза, а потом откройте. Вот этот участок — ваш. Хозяйствуйте! Аллах вам в помощь!

Услышав такое, редактор словно язык проглотил. И застыл на месте, не силах вымолвить ни слова.

Председатель, однако, словно и не ожидал ответа. Он уже, шагая туда-сюда, что-то про себя прикидывал, наставляя Алашавура:

— Дом будет стоять здесь. Одна комната и спальня. Лишнее писателю ни к чему... Правильно, учитель? В течение двух месяцев дом должен быть отстроен. Со всеми удобствами: свет, вода. Где-то осенью учитель и въедет. Понятно, Шавурбек? Все, разговор окончен.

IV

Ночами редактор теперь почти не спал, — душу переполняла радость. Он то и дело вскакивал со сбитых простыней и восклицал: “О, Аллах, откуда же такое везенье человеку, жившему до этого, можно сказать, беспросветно?”

С больной, Богом обиженной, как и он сам, женой, умершей год назад, с единственным сыном и двумя внуками — впятером — редактор ютился прежде в двухкомнатной малогабаритной квартире в глуши микрорайона Чиланзар.

И вот, — Бог дал!

Его мечта, о которой он и не смел помышлять, нежданно-негаданно, в одночасье, осуществилась.

Теперь ее следовало подтвердить.

Выбрав ближайшее время, редактор спешно помчался в город, где до копейки снял со счета в сберегательной кассе все свои сбережения, накопленные за счет гонораров и пока еще не

успевшие обесцениться. И сразу же попытался вручить их председателю, приехавшему к нему в воскресенье, чтобы проведать.

— Положите это себе в карман, учитель, — сказал председатель, насупившись.

Но поскольку редактор никак не унимался, все-таки кивнул шоферу:

— Ладно, возьми, Шавур. Купишь мебель там всякую, телевизор.

Дом был возведен “досрочно” — в конце лета. И осенью, держа под мышкой свои скромные пожитки, редактор переступил через порог своего нового жилища.

И тотчас же, не теряя времени, приступил к возведению уже совсем собственного сада на месте того, вчерашнего, колхозного.

Дело он начал с сортировки деревьев, деля их на пригодные и непригодные, безжалостно избавляясь от ненужных кустарников, разросшихся ветвей и прививая полезные сорта. Рассадку для цветов взял в “Эдемовом саду”... Одним словом, не успокоился до тех пор, пока — уже к следующей весне — его сад не превратился в цветущий райский уголок.

Да и сам он всего за один сезон, советуясь то с одним, то с другим, как-то почти незаметно стал весьма уважаемым и вполне приличным садоводом.

Между тем в издательстве в виде глянцевого книги планово вышли в свет новые похождения уважаемого председателя.

Снова стали печататься рецензии, вновь зазвучали разные восхваления, а в “Эдемовом саду” в очередной раз привычно не успевали накрывать чествующие столы.

И председатель, уже как новый талантливый неутомимый и бесценный автор двух востребованных книг, с удовлетворением был занесен в официальный список членов Союза писателей.

Но судьбе поперек не станешь.

Увы, очередным писательским радостям не суждено было долго длиться. На исходе жаркого лета председателя приковало к постели. Его постиг недуг, от которого, если он злокачественный, не бывает спасу ни царю, ни нищему.

Редактор каждую неделю навещал своего благодетеля, чтобы справиться о его здоровье. Председатель, ставший ему как отец родной или брат, тихо благодарил, а в один из последних визитов вдруг произнес слова, для этого человека весьма неожиданные, похожие на покаяние.

— Знаете, учитель, надо признать, я вами, поэтами, не восхищен, — заговорил он — каким мог — бодрым голосом. — Из меня, невежды и неуча, сотворили писателя... Да я и сам... Скажите, ну почему меня, дехканина, привязанного к земле, поперло в писатели? Мало ли что могло мне взбрести в голову? И что из того, что это я нацарапал на бумаге? Если бы не посчитался с возрастом, то и на сцену я также бы точно мог выйти и запеть. Деньги, богатство даже праведника могут сбить с пути. Да разве же я не знал этого? Я же не дурак какой-то, все понимал! Ни к чему все это было... Бесполезно. Суета... А только и вы даете... Заслуга-то была ваша. Трудились-то вы.

Станным: гордым, но незаносчивым человеком оказался покойный, — в таком состоянии продолжал еще философствовать и шутить. Сказал напоследок:

— Может, мне прихватить с собой одну из этих книг? Как-никак память. Держал бы под головой. В свободное от Божьего суда время, почитывал бы, а? Там ведь сплошное свободное время. Ни забот тебе о пахоте, ни беготни за удобрением и прочим... Что скажите, а, учитель?

Но на тот свет он, конечно, ушел в одном лишь саване.

Да преисполнится светом его вечная жизнь!

А потом колесо истории повернулось так, что то, что прежде не могло быть осуществлено даже и за полвека, осуществилось в считанные месяцы.

Издательство, где некогда трудились сотни людей, в одно мгновение превратилось в пришедшую в уныние обитель, в которой вынуждена была теперь проводить время лишь горстка людей.

Редакционные комнаты — места обитания прежних творческих работников — заняли какие-то фирмы и офисы.

По коридорам невозможно стало свободно передвигаться: до самых редакционных кабинетов протянулись торговые лавки.

Теперь даже от собственно редакционного туалета, если не порыться в кармане и не найти мелочь, грозная сторожиха могла отогнать страждущего чуть ли не палкой.

Юнцы же, вчера преисполненные счастья, что им поручено сгонять за самсой для самого директора, сегодня с ним еле здороваются. Вытаращив на него ошалелые глаза и возбужденно выкрикнув голосом, наводящим панику, — “Бизнес! Делаем бизнес! — мчатся дальше. Если не посторониться, того и гляди, и из тебя — вместе с бизнесом — что-нибудь сделают, поганые! Да не прогонишь, — издательство, книги которого вдруг всюду перестали пользоваться спросом, отныне — за счет арендной платы — существовало лишь на их деньги.

Естественно, что и редактору, достигшему пенсионного возраста, к тому же еще и мыслящему “по-старому”, то есть не умеющему приспособляться как придаточная часть к сложному предложению, в таких условиях, хотя и опытным и знающим он не перестал быть, в коллективе места не оказалось. К тому же и сам он изрядно устал, ездя издалека...

Короче говоря, редактор уволился.

Так появился новый вопрос: а на что же теперь жить?

Только вот здесь это новое — спасибо ему! — время подсказало великолепный путь.

Не без труда, но бывший редактор, соответствуя новым веяниям, взял да и перевел издательство в свой дом — в этот самый свой писательский сад.

Вот оно как обернулось дело!

Ни тебе теперь езды каждый день в сутолоке на работу, ни заискивания перед начальством в ожидании куцей зарплаты.

Если не учитывать одной досадной, достойной сожаления стороны — собственно писательства, то все очень просто и выгодно: дают налом — хороший бизнес!

VI

Ну и времена настали: ученые остались в стороне, невежды подались в науку.

И — о, Боже! — да как же их много оказалось — тех, кто желал стать писателем.

Однако, как известно, прежде чем называться писателем, нужно иметь выпущенную книгу с собственной фамилией на обложке. А для того чтобы выпустить ее, текст книги нужно еще написать.

Вот эта-то сторона вопроса оказалась, пожалуй, самой трудноразрешимой.

Едва ли не всякий — способен он был к тому или нет, — имеющий кошелек потуже, начал “сотворение” своих книг, пустился на их “изготовку”.

Покойный председатель, царство ему небесное, выглядел теперь человеком глубоко совестливым: как-никак сам собственноручно кое-что чиркал. А за этих от начала и до конца следовало книгу и придумать, и написать.

Впрочем, этот период литературного безвременья выдался чрезвычайно плодовитым и для другой группы преуспевших — кои не блеск как были образованны, но руки у которых также

зудели писать, как некогда и у покойного председателя. Да только в отличие от него никакой правки своего личного текста они — по своей общей глупости — уже не признавали. И остановить их было невозможно: они завалили рыночными произведениями — “под статью веяниям времени” — все свободное пространство.

Зато всякий, кто умел писать, пребывал теперь в шоке — кошельки у них пусты; а с пустым кошельком разве подойдешь к типографии? Некоторые из таких, забросив в бабушкины сундуки ручки и тетради, даже подались на иные заработки.

Некоторые же пришли к “учителю”. Знали: единичные из новоявленных авторов все-таки слегка понимают — образчику всякого их “творенья” следует придавать книжный вид. А за этим дело не станет: вон за чертой города, в уютном уголке, наострив перо, ждет не дождется заказчика избираемый “учителем” — и неприхотливо дешево берущий! — “батрак”.

Когда-то “батрачившему” несчастному редактору, влезшему в чужую шкуру, претило подбирать слова и строить предложения под чужим именем. Когда-то и он в сердцах вскакивал с места и бормотал: “Лучше бы рукам твоим отсохнуть, да языку твоему отвалиться, чем претендовать на писательство!”. Теперь эти слова произносили они...

Однако ничего не поделаешь — когда под ложечкой сосет от голода, рот не зашьешь. Он еще и сам не забыл, как купил всего лишь пачку сигарет на превратившийся в труху гонорар за напечатанную в журнале лучшую свою повесть, как бы скорбно нашептанную им тем деревьям — первым понимающим читателям. Повесть о несчастном сиротстве, из которого хотелось сбежать в смутно припоминаемый отцовский край, заодно скрывшись там и от тирании ялмагыз, которая приходилась теткой его покойной матери.

Помнится, что он курил эту пачку сигарет долго — по одной штуке в день, — почти до самого “Саратана”, пришедшего на смену некогда родной “Приме”.

Единственная отрада и утеха для сердца учителя отныне вот этот сад, эти деревья. Ведь он уже и от сигарет отказался: с одной стороны — нехватка средств, но с другой — и пуще того! — кашель курильщика... Теперь перешел на насвай¹.

А еще — отрастил недлинную козлиную бородку и водрузил на голову вышитую тюбетейку, — это уже из-за поредевших на макушке волос...

По внешнему виду сейчас его никто бы не назвал современным писателем. Да и истинные “учителя” ныне не они, а — наставники веры, те, на которых он и стал теперь походить; всякий, кто его прежде не знал, сейчас легко принимал за одного из служителей религии.

На самом же деле таким служителем стал его сын.

Этот худой, бледный юноша с авоськой в руке, занимающийся арабской графикой, появлялся у него в саду раза два в месяц, чтобы проведать. Они устраивались на топчане под абрикосовым деревом и молча глядели друг на друга, не зная о чем говорить. Только когда сын уже собирался уходить, начинало происходить нечто, похожее на диалог:

— Все еще учишься?

— Алхамдулиллах³.

— Намаз свой читать читай, но смотри, будь осторожен, парень!

— Скажите, астахфируллах⁴, отец...

Учитель тоже время от времени произносил про себя это молитвенное слово, но сути его до конца не понимал.

И еще один человек — его старый приятель Алашавур — посещал учителя бескорыстно. Впрочем, это его прежнее прозвище ушло вместе с председателем. Теперь это был не просто Аллашукур, а в полном смысле — Аллахшукур, сотворивший хадж в Мекку и славящий Аллаха. Беседы он вел сугубо о делах благих да божественных, цитируя суры из Корана и

¹ Насвай — жевательный табак.

приводя слова пророка из хадисов.

Но иногда, сидя на топчане, они с вздыханиями вспоминали былые времена, связанные с их благодетелем — покойным председателем. После чего речь обязательно заходила о деревьях и виноградниках, об уходе за ними и об их разведении. При этом всякий раз учителю почему-то очень хотелось спросить у того о той рослой хохотунье... Но извечная стыдливость брала верх: что ни говори, тот теперь ходжи, неудобно как-то.

Вопрос так и остался незадаанным. Зато у учителя появилась еще одна новая тайная отрада — молочница.

Каждое утро, когда эта женщина приносила молоко, на душе у него само по себе становилось светло — будто луч света проникал в его безрадостное сердце. Если же по какой-то причине она переставала появляться, он не находил себе места, становился сам не свой. Однако по отношению к ней не допускал никакой, маломальски непристойной мысли. Ни в коем случае!

Говорили, что ее муж — уже не первый год — лежал парализованный.

Эта здоровая, сладкоречивая, обыкновенная сельская молочница иногда появлялась в сопровождении двух мальчуганов-погодков. Один чуть выше другого...

Для учителя, давно не бывавшего в городе и не видевшего женщин, она представлялась каким-то чистым ангелом. Возможно, еще и потому, что сам учитель в свое время вел далеко не ангельский образ жизни: после смерти жены он некоторым образом общался с некоей корректоршей, которую все ласково называли Сахийхон — Щедрая. Да, видно прозвища людьми не зря даются...

Одним словом, после нее учитель чрезвычайно разочаровался в женщинах.

VII

Хаджи Аллахшукур, будучи еще Алашавуром, ежедневно проводя время рядом с мудрым председателем, очевидно, многое понимал и тогда. Не зря же в свое время изрек, будто предсказал:

“Скоро, увидите, эта территория нарасхват будет!”.

И действительно слова его сбылись.

Всего за каких-то три-четыре года вокруг выросли такие дома, раскинулись такие дворы, что только диву можно было даваться. Не сразу учитель обратил на это внимание, тем более что его маленькая хибарка да садик с ладонь ему всегда казались вполне приличным состоянием.

Но в последние два года совсем рядом стал вырисовываться такой архитектурный шедевр, что всякий, увидевший на фоне поднявшегося великолепного особняка утлую хибарку учителя, несомненно, подумал бы: “Это нужно срочно снести!”.

То были хоромы именитого богача, прикупившего сначала два больших участка с левой стороны и тем самым продемонстрировавшего свое величие, затем устремившегося на захват пустыющего сада и по правую сторону от дома учителя.

Первым в этих местах всегда объявлялся Ярмат.

На самом деле его звали как-то по-другому. Но после того как самозванец махали, Саидджамал, оповестил всех, что это — “доверенное лицо хозяина, распорядитель стройки”, — учитель стал называть его на свой лад — Ярматом: по одноименному персонажу — приказчику бая из романа “Священная кровь”.

Ростом Ярмат был чуть выше комика Абида Асомова. Но страху наводил в десять раз больше, чем тот — смеху... День и ночь вкалывали вокруг дома учителя по двадцать-тридцать поденщиков-мардикеров и столько же мастеров. Устрашающе гудели “МАЗы” и “КрАЗы”, и

всему голова был он — один! В руках “мобильник”, рулит на “Дамасе”, ни минуты покоя. Поскольку сам хозяин за это время показался здесь всего лишь пару раз, все дела осуществлял вот этот молодец.

Беспокойно, но зато, если говорить по справедливости, улица нового загородного массива, бывшая их улица, утопающая зимой в грязи, а летом — в пыли, была от начала до конца заасфальтирована, ко всем домам подведен газ, свет стал гореть круглосуточно. Видно не зря гласит народная мудрость: “Не было бы счастья — да несчастье помогло!”.

В один из таких строительных дней, но уже накануне их завершения, на ярко поблескивающем “Мерседесе” подкатила разодетая в пух и прах молоденькая ханум. Как потом шепотом известил осведомленный обо всем Саидджамал, — младшая любимая жена хозяина, для которой и возводился этот дом-гарем.

В темных очках, с пышными волосами, легкая как девчущка-школьница, она, мгновенно исчезла за массивными воротами, но через четверть часа вышла обратно. Затем, задумчиво постояв, напрямиком направилась в учительский сад.

С возившимся под навесом учителем она поздоровалась как со старым знакомым, прошла к топчану, села, свесив ноги, и стала созерцать вокруг.

— Ой, как здесь прохладно! До чего же красив ваш сад...

— Добро пожаловать, доченька, — сказал учитель, засуетившийся при появлении неожиданной гостьи. — Хотите — пройдите по саду. Сорвите и попробуйте фрукты. Не стесняйтесь! Как говорится — свой огород. Сам их сажал.

— Сказать вам правду? — загадочно улыбнулась ханум. — Мне больше понравилось здесь, чем там, — и она указала на высоченный забор.

— Спасибо, спасибо, — сказал польщенный учитель. — Чувствуйте себя как дома. Заходите в любое время, отдыхайте, пожалуйста.

— Вы, оказывается, писатель, да? А мой дядя поэт! Почти все песни, которые звучат по радио, написал он!

Этим тогда и завершился их разговор. Учитель нарвал для ханум цветов, сунул ей в руки две груши и проводил до калитки.

А спустя несколько дней познакомился и с самим хозяином... В один из вечеров вышел по каким-то делам за ворота. А рядом с иномарками, выстроившимися возле соседских ворот, разговаривает группа гостей, от которых тотчас отошел мужчина и направился в его сторону. Приятного вида молодой человек лет сорока пяти. С ног до головы в черном.

— Это вы — учитель? — спросил он, с улыбкой протягивая руку. — М-да, писатель! Все хвалят ваш сад, говорят — необыкновенный! Вы бы хоть пригласили, как сосед...

— О, милости просим, — сказал учитель, невольно сложив руки на груди от смущения. — Пожалуйста, входите!

— Ладно, ладно, после. Вы скоро сами пожелаете ко мне. И ваши поэты придут. Самые крупные!

За высоким кирпичным забором, обвешанным разноцветными мигающими гирляндами, в празднично освещенном особняке почти до утра, как в сказочном дворце, продолжалось веселье. Установленные усилители распространяли звуки праздника за семь верст. Казалось, здесь собрались все лучшие певцы и музыканты столицы, предпочтя здешнее мероприятие городским свадьбам и вечеринкам.

Учитель никуда не пошел. Заперев накрепко окна и двери, весь этот летний день он в духоте протомился внутри помещения. В последнее время он обязательно уходил в дом в пору таких увеселений, которые устраивались кем-нибудь почти каждую неделю.

От грохота современной музыки все вокруг содрогалось, и он не мог ни читать, ни писать;

нервно ворочаясь в душной комнате, засыпал ненадолго лишь под утро.

VIII

Вот уже два года — покой и тишина лишь снятся.

Во время строительства донимали крики мастеров и мардикеров, гул тяжелых машин, тарахтенье, гуденье, грохот, пыль, грязь.

А теперь — вон оно что происходит!..

В новом доме фактически не жили. По свидетельству Саидджалала, дом чем-то не пришелся по душе младшей ханум. За домом и присматривали лишь садовник, сторож да мальчик на побегушках.

Хозяева приезжали сюда по субботам и воскресеньям поплескаться в бассейне да иногда на свои ночные увеселения. И всегда — шлепанье по воде, вскрики, визг, гвалт...

Учитель хоть и жил рядом, — еще ни разу не переступал порог чужого дома. Вряд ли кто поверит, но он и не видел этот прекрасный особняк, эти беседки с зубчатыми деревянными подпорками и куполообразным навесом, этот радужно переливающийся по ночам мраморный бассейн с подсветкой на дне...

Он натерпелся от них и не входя внутрь. И сыт был соседями по горло.

Однако теперь и справа от учителя — в бесхозном саду — началась подготовка к какому-то новому строительству: дай Бог, чтоб на этот раз понравилось нашей утонченной маленькой ханум!

Так что опять — гуденье, тарахтение, грохот! Вновь — песок, щебенка, пыль, грязь.

И опять приходилось терпеть, пусть и не было уже мочи все это вынести: либо сбегай, либо умри... Но и бежать было некуда, и умирать не хотелось. Оставалось только крепко сжать зубы.

В один из этих новых невыносимых дней — учитель, в привычном шуме вообразив себя глухим, лежал на топчане и листал книгу — неожиданно зашел Ярмат. Рядом с ним — Саидджалал. Как всегда, полы национального халата подобраны под кушак, на лице слащавая улыбка... В любой дом, как в свой. Вскоре после чего обо всем, что там увидит и услышит, становится известно всему массиву. И не посмеете упрекнуть. Уставится на вас, выпучив глаза, и скажет: “Да, вот, — и видел, и слышал”.

Вряд ли ему ведомо, что такое на свете друг или что такое враг. Непонятный, скользкий тип.

Этому-то чего надо, спрашивается?

— Разговор будет таким, учитель, — сказал без обиняков коротышка Ярмат, похлопав учителя по груди, по-своему дружески, а на самом деле беспардонно. — Сад отдадите нам!

— Какой сад? Почему? Для чего? — растерянно произнес учитель.

— Вам, — будто не слыша недоумения, продолжил Ярмат, указывая в сторону заросшего кустарниками пустыря, — будет построен отличный дом, вон там. Ведь ваш — это что, дом, что ли? В десять раз будет лучше этого. Современный!

— В десять раз будет лучше этого! — поддержал его посредник в лице Саидджалала.

Если бы в эту минуту кто-то попросил у него жизнь, возможно, учитель подумал бы — к чему эта ненавистная жизнь человеку, насытившемуся несправедливостью? Но — сад!.. Сколько труда, сколько души в него вложено!

— Ярматджан, братец, вы хоть подумали о чем говорите?

На чужое имя, вылетевшее из уст учителя, доверенное лицо и не обратило внимания. У него было полно дел, более важных, чем собственное имя.

— Ваш сад присоединят к основному двору, таково распоряжение хозяина! — заключил Ярмат. — Иначе вы останетесь среди чужого двора. Со всех сторон неудобно... Скажу прямо,

учитель, вы в этом деле выигрываете!

— Присоединят! Вы выигрываете, учитель! — подтвердил посредник, будто от этого и ему что-то перепадало.

— Подумайте, отличный вариант. Да, кстати, у хозяина к вам есть и другое поручение. Напишите для него книгу. Из его жизни. Внакладе не будете. Договорились, да?

— Братец, разве вы не видите, я одинокий пожилой человек. Прошу вас, оставьте меня в покое!

Ярмат резко повернулся и зашагал к калитке.

— Тем более! Значит, в один прекрасный день этот сад все равно будет нашим!

Ночью учитель проснулся от резкой боли и весь в поту. Во рту была горькая слюна, похожая на желчь. Казалось, внутри все разодрано и железные тиски сжимают всю утробу... Не переставая стонать, он корчился на полу до рассвета.

Было похоже, что-то случилось и без доктора не обойтись.

Утром он положил в полиэтиленовый пакет самое необходимое, с трудом накрепко закрыл окна и двери, вышел за ворота и — скрючившись у стены — стал ожидать: не появится ли какая-нибудь машина.

Слава богу, показался “Дамас”. Но учитель невольно сжался еще больше.

Ярмат!

Проницательный распорядитель правильно оценил ситуацию. Тут же резко развернул машину и, не обращая внимания на возражения учителя, взяв его под руки, усадил в машину и, за всю дорогу не проронив ни слова, отвез в ближайшую больницу.

У учителя, как оказалось, обострилась старая болезнь, и рецидив оказался опасным — перитонит.

— Надо оперировать! — сказал хирург, — и чем быстрее, тем лучше, иначе...

И оперировали, и спасли... Но, как говорится, — пришла беда — отворяй ворота.

Едва ли не на следующий день после операции, где-то под вечер, лежа в постели, он потянулся к тумбочке, чтобы что-то взять, и тут неожиданно прихватило сердце... Схватившись за грудь, учитель безжизненно свис с кровати. Инфаркт!

И его опять положили в реанимацию. Положили в столь тяжелом состоянии, что врачи уже и не знали, что делать: для пожилого человека два таких опасных недуга, это...

Ходжи Аллахшукур, Бог весть, откуда-то прослышавший о случившемся, уже через день оказался здесь. Сын тоже каждый день появлялся возле больницы. Больше же к нему приходило было некому; разве те, кому он за гроши писал книги, вспомнят о нем?

Ладно, чему быть — того не миновать, все в руках Аллаха. Тот, чья жизнь висит на волоске, считай, глух и слеп. Все это время продолжая лежать в больнице, учитель очень скучал по своему саду и часто думал о нем. Именно в эти моменты некое умиротворение снисходило к нему. И он неторопливо продвигался к поправке

Но при этом он, естественно, совсем не ведал о том, что происходило в загородном массиве.

А происходило вот что...

Непоседливый Ярмат и вездесущий Саидджалал еще до первой операции учителя развернули самую бурную деятельность — сначала шагами принялись вымерять длину и ширину его сада, затем, усевшись на топчан, что-то подсчитали, прикинули... Построили план. Оставалось только дожидаться последней вести из больницы и тогда — можно начинать.

Но ожидаемой вести все не было.

Зато произошло что-то иное. Гостеприимный дом хозяина перестал шуметь даже и в воскресенье. На воротах повис замок. Кипевшая в бесхозном саду работа вдруг разом

прекратилась. Вокруг воцарилась непривычная тишина.

Заправила Ярмат тоже куда-то исчез. Лишь Саидджалал, которому не сиделось дома, будто там завелись змеи и скорпионы, заткнув за пояс полы халата, совался к каждому, задавая всем один и тот же вопрос: “Слышали? Слышали?”.

IX

На следующий день, узнав от кого-то о его выписке из больницы, пришла молочница. Мальчуганы были рядом с ней.

Смущаясь, извинилась за то, что не смогла проведать.

Присела на топчан, поговорила о жите-бытье.

Растроганный и просветленный учитель, захватив пару ведер, медленно обойдя свой сад, наполнил их фруктами.

Пока же он был в саду, она до блеска за какие-то десять-пятнадцать минут перемыла покрытую плесенью посуду, стоявшую на топчане.

О, Боже, есть же на свете такие заботливые женщины!

А еще она вдруг сказала, что с удовольствием заберет и перестирывает ему вещи, если он приготовит их к ее следующему приходу.

Но...

Но ни тревоги, ни смятения не появилось в душе мужчины от ее слов и поведения. Побывав между жизнью и смертью, он обязался отныне жить по-другому, ведь неизвестно: сколько ему еще отведено?.. А тут еще надо успеть кое-что сделать. И его не должно более волновать все то, что делается вокруг.

Погруженный в свой собственный душевный мир, он даже и не заметил, что теперь почему-то всюду царит тишина. А заметив, решил: впереди осень, по ночам прохладно, в такую погоду не попрыгаешь с визгом в воду, не разгуляешься на воздухе до утра...

Действительно, веселый летний сезон завершился. Многие вернулись в город. Загородный массив опустел. Считай, и поговорить-то не с кем. А ему и не надо было. Засучив рукава, писатель приступил к написанию собственного произведения.

Идея и название книги родились в дни его тяжелого недомогания. Она станет называться так — “Вечные деревья”. Жизнь деревьев, уподобленная жизни людей.

Для этой книги не надо было далеко ходить и крепко ломать голову — вполне достаточно было от начала и до конца честно вспомнить всю собственную жизнь. Ну и, конечно, повнимательней взглядеться в деревья, растущие хотя бы в этом саду...

А потом... А потом с прискорбием описать то, что в этой несложной аксиоме — “деревья — жизнь — человек” — существование человека изначально обречено.

Вон, могущественного во всех отношениях председателя уже нет, а чинара, возле правления, по-прежнему шумит и сбрасывает листья.

Вон и вы, скажем, уходите, а воздвигнутый вами в поте лица дом, взлелеянный вами сад остаются. Ну как тут не повозмущаться!

Неужто человек хуже дерева и ему не дано прожить даже столько, сколько отведено посаженному им саженцу?

Погода стояла мягкая, ласкающая, как сказал поэт — “...знойный мираж отступил, воцарилась прозрачность прохлады”.

На топчане появился низкий восточный столик, сидя за которым в этой благодатной прозрачности он теперь целыми днями стучал на машинке.

Сегодня рядом с ним опять оказался младший мальчуган молочницы: пришел с матерью

утром и не захотел уходить. Теперь малыш то и дело спускается с топчана, чтобы побегать по саду, там он играет с птицами. Поиграв же, устраивается с краю у столика и тоже что-то пишет.

И старый человек, порадовавшись на эту молодость — “Уж не писатель ли из тебя выйдет?” — пишет с еще большим усердием.

— Дяденька, а что лучше, точка или запятая? — спрашивает будущий писатель, приподняв голову от бумаги.

Человека, на протяжении многих лет занимавшегося написанием и выпуском книг, всю жизнь редактировавшего рукописи, этот детский вопрос застаёт врасплох, заставляет задуматься.

— Наверное, точка. Запятая в одном предложении может встречаться несколько раз, а точка бывает одна!

— Но у запятой есть длинненький хвостик...

— Ну и что... Запятая обозначает, что предложение не окончено. А если стоит точка, то значит все — конец.

— А разве продолжение не лучше, чем конец?

— Из тебя, похоже, действительно получится хороший писатель, — произносит писатель и задумчиво гладит мальчика по голове.

“Продолжение лучше, чем конец... Конец чего?..”

Х

И еще произошло одно событие. В один из таких чудных и желанных дней, наконец, появляется давно им внутренне ожидаемый, но далеко не желанный гость.

Полы халата заткнуты за пояс, улыбка все еще на лице, будто даже и на ночь никогда не сходила...

Гость восседает на краю топчана и начинает рассказывать.

Оказывается, летом он отдыхал в санатории “Чартак”, вернулся только вчера. Но это не главное.

— Слышали, учитель? — тараторит он, поблескивая глазами, будто хочет получить суюнчи². — Когда вы лежали в больнице, ваш сосед попал в тюрьму!

— Да что вы говорите? Какая досада! А что он такого натворил?

— Послушайте, что дальше, — с неким даже пафосом говорит пакостник. — В тюрьме он повесился!

— Не может быть! Такой цветущий молодой человек? Ах, несчастный! Жаль, очень жаль.

— Говорят же: много хочется, да не все сможется.

— А наш Ярмат? Где он сейчас?

— Кто его знает! Наверно, нашел себе другого хозяина, живет, не тужит. Таких и черт не берет, учитель! Не переживайте... Они и из воды сухими выходят, да, да! Перед отъездом в “Чартак” я вроде видел его на Алайском базаре. Сказать, с кем он был?.. Вам, наверное, попадалась на глаза похожая на артистку младшая жена этого богача? Она еще на “Мерседесе” приезжала... Так, вот, — хотите верьте, хотите нет, — под ручку с ней идет. Я как вкопанный стал!

— Бросьте вы такие разговоры! — у писателя уже давно сделалось муторно на душе, но он все-таки кивает в сторону соседского дома. — Однако жалко несчастного... Такой был мужчина, а!

— Чему вы огорчаетесь, учитель? Он жил в богатстве, ел, пил, гулял вдоволь, наслаждался

² Суюнчи — подарок за добрую весть.

жизнью — ну и хватит с него. Не зря сказано: не рой яму другому — сам туда попадешь. Вот и попал! А вы...

Писатель хмурится. Мрачнеет.

— Все мы смертны, Саид!

Эти слова теперь ясно обозначают: “Все, вставай, и уходи, ты мне мешаешь!

Продолжение лучше, чем конец... Конец чего?..”

А если не лучше?

Да...

Но о чем это его опять сейчас спрашивает, увлеченный своей писаниной, маленький сын молочницы?

Дяденька, а что лучше, вопросительный знак или восклицательный?..

*Опубликовано в журнале:
«Дружба Народов» 2009, №11*